

СВОЙ БЕРЕГ

Памяти Ольги Викторовны Станицыной

Ольга Викторовна Станицына очень хотела оставить воспоминания о театре, где прослужила 53 года, и о времени, выпавшем на ее актерскую долю. Писала не от случая к случаю, а целенаправленно, не нагружая рассказ подробностями, отбирая самое важное и дорогое сердцу, набрасывая эскиз за эскизом, которые наконец сошлись в портрет театральной эпохи. Успела опубликовать свой мемуар на страницах журнала «**Иные берега**» (№2 (42) 2016) и услышать немало дружественных откликов от тех, кто оценил ее усилия и сказал, как важно

сделанное ею для истории, для творчества нынешнего поколения актеров, для понимания самой сути жизни, нераздельно связанной со смыслами театра.

В своих «**Записках о счастье**» Ольга Викторовна ничтожно мало страниц посвятила себе как актрисе. Что, впрочем, не оставило в тени ее артистическое кредо, ее взгляды на профессию, ее художественные предпочтения. Но о себе — куда, как меньше, чем о доме как таковом. В понятие «дом» вместились по авторской воле и семья (родители — великие актеры: вахтанговка **Елена Дмитриевна Понсова** и мхатовец **Виктор**

Ольга Викторовна Станицына

«Голья король». Камергер — М. Козаков, Гувернантка — О. Станицына, Министр нежных чувств — В. Сергачёв. Театр «Современник»

Яковлевич Станицын), и театр — Московский драматический театр имени К.С. Станиславского, куда актриса пришла после нескольких лет работы в «Современнике». Дом и Театр всегда оставались для Ольги Станицыной *своим берегом*, и она держалась за него крепко, счастливо, благодарно.

В предуведомлении к публикации Станицына написала: «В толковом “Словаре русского языка” С.И. Ожегова слово “мемуары” поясняется так: “Записки, литературные воспоминания о прошлых событиях, сделанные современником или участником этих событий”. Все верно — “записки” по следам “прошлых событий”. Захотелось их “собрать”, чтобы не потерялись. Может быть, кому-то, кто начнет изучать историю театра, они пригодятся. Для меня же все это не история, а сама жизнь. Дом, семья, отец и мать, сестры и братья, муж и сын. Театры «Сов-

ременник» и имени К.С. Станиславского, роли, спектакли, зрители. Все вместе образует другое слово — “счастье”. И про него никакой словарь не расскажет исчерпывающе. Я — попыталась».

Она попыталась и у нее получилось: светлая, добрая, сердечная, как вся ее, Ольги Станицыной, жизнь, повесть о Доме и Театре — о своем берегу — всегда будет напоминать о высоком предназначении русского артиста: истово служить своему делу, совершенствоваться в профессии, слышать дыхание зрительного зала и вникать вместе с ним в меняющиеся смыслы сущего.

Ольга Станицына играла много и ярко — и в классике, и в современном репертуаре, многие годы заведовала труппой в театре на Тверской. Ее любили коллеги, зрители, близкие и родные.

Она умела, что называется, делать любую роль и никогда не выходила на сцену за тем, чтобы сыграть только ис-

«Таланты
и поклонники».
Домна — О. Станицына

торию, вписаться в сюжет. Ей было важно прожить судьбу. Каждая роль, а их было много — больших и эпизодических, — укрупнялась благодаря кружевной проработке подробностей. В тексте, с виду мало что значащим, Станицына умела почувствовать биение сердца живого человека, указать на прожитое и пережитое им, различить дальние планы обстоятельств действия и вписать их, вплести, как в цепочку, в смысловой портрет спектакля.

Домна Пантелевна в «Талантах и поклонниках» **А.Н. Островского** в испол-

нении Ольги Станицыной представляла персонажем не «вспомогательным», а существенным, знаковым для понимания той концепции, какую вычитывал из пьесы режиссер **Виталий Ланской**. Шептунья, беспокойная, она первой проносила по сцене с криком «Бенефист», словно раздвигая обшарпанные стены углой квартирки, где уютилась с любимой Сашенькой. Но когда давала той острастку за одно только сомнение — не бросить ли сцену да выйти замуж, голос ее выдавал тревогу. Реплика Домны: «Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот

*«Доктор Стокман».
Стокман — Г. Бурков,
Фрау Стокман —
О. Станицына*

в один день получила, чего в три года не выработаешь», — казалось, у Станицыной совсем не относилась к прошедшему бенефису, и не о достатке пеклась она, не о тех благах, каких хотела для себя и дочери, постоянно жалуясь на нищету. Ей, вдове провинциального оркестранта, бесхитростной мешанке, перевирающей слова (речевую характеристику Домны актриса превраща-

ла в целую симфонию, гротескно — как в сговоре с залом — играя словами («бенефист», «шуфлер», «ампренер», «театрашное дело», «паходндрия») и навязывающей собственную удобоваримую мораль любому, с кем бы ни встречалась, — что Нарокову, что Великатову, больше всего хотелось, чтобы ее Сашутка состоялась как актриса. Она, Домна Станицыной, сама жила дочер-

ней мечтой о сцене и успехе, и от того отвечала на замечание Нарокова: «Да ведь твоя дочь талант, она рождена для сцены», — серьезно, как на исповеди: «Для сцены-то для сцены, это точно, это уж что говорит! Она еще маленькая была, так, бывало, не выгашить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл; так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмет к кулисе, да и стоит не дышит». Зрителю, сразу оценившему Станицыну за буффонаду, становилось не по себе — через обычный житейский разговор вдруг открывалась судьба и проявлялся совсем другой человек.

На протяжении длительного времени Ольга Викторовна играла роль, казалось бы, ей не предназначенную и требующую необычайной выносливости, снайперской точности, почти цирковой оснащенности. Играла даже тогда, когда повредила руку и оказалась ограниченной в движении из-за наложенного гипса. Смотреть на ее **Бабу-Ягу** в пьесе **Галины Соколовой «Царевна-лягушка»** первое время приходила чуть ли не вся труппа, потом по несколько раз актеры приводили своих детей, выросшие дети — своих. И так — долго. Роль сказочной зльдны Ольга Станицына выделала изящно, с таким вкусом и мастерством, что ей могли позавидовать (и завидовали!) коллеги по перекрестным жанрам. Это был балет, и это был мюзикл. Это были водевил и оперетта. Это был цирковой вольтаж. Ее не узнавали — не верили, что это она — **Мурзавецкая** из «**Волк и овец**», **Кармина** из «**Женитьбы Белугина**», **Нерина** из «**Мсье де Пурсоньяка**», **Фру Стокман** из «**Доктора Стокмана**», **Кормилица** из «**Антигоны**» и **Селия Пичем** из «**Трехгрошовой оперы**» — так перевоплощается, так виртуозно работает с самостоятельно придуманной «маской».

«Синяя птица». Фея — О. Станицына. Фото П. Антонова

Последней ролью актрисы стала **Фея** в спектакле **Бориса Юхананова** по пьесе **Мориса Метерлинка**, та, кто отправляет детей на поиски Синей птицы, а, значит, ведает, как устроен мир, что в нем важно, а что нет, к чему стоит стремиться, чтобы сделаться настоящим человеком.

Актриса-фея знала секрет настоящего счастья и оставила его тем, кто будет вспоминать о ней с благодарностью и любовью.

Сергей КОРОБКОВ
Фото из архива семьи СТАНИЦЫНЫХ